

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II НА ПОСТУ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ПО ИНФОРМАЦИИ КАМЕР-ФУРЬЕРСКОГО ЖУРНАЛА ЗА ЯНВАРЬ 1916 – ФЕВРАЛЬ 1917 г.

На основе анализа камер-фурьерских журналов императора Николая II за 1916 г., январь–апрель 1917 г., предпринята попытка оценить некоторые параметры его деятельности на посту верховного главнокомандующего (распределение рабочего времени, поездки на фронт, время пребывания в Ставке в Могилеве и Петербурге, общение с министрами, военными и государственными деятелями).

Ключевые слова: Николай II; император; верховный главнокомандующий; Ставка; камер-фурьерский журнал; Первая мировая война; министры.

На излете советской историографии катаклизма 1917 г. позиционировался случайно-закономерный подход в объяснении произошедшего в последнюю неделю февраля – начале марта 1917 г. «Никто не предполагал, что именно 23 февраля начнется революция, что накопившаяся ненависть рабочих к самодержавной власти, помноженная на тяготы войны и продовольственный кризис, именно в этот день в феврале 1917 г. выльется в мощный революционный шквал, – в духе этого подхода утверждала И.М. Пушкарева... – [но] В стремительном развитии событий 23 февраля проявились и слились в одно целое стихийно нарастающий массовый протест, богатый революционный опыт передовых слоев пролетариата, вся предшествующая работа большевиков, которая подготовила массы к восприятию революционных интернациональных лозунгов» [1. С. 143].

В 1990-е гг., не отвергая элементов стихийности, на первый план выдвигаются усилия либеральных деятелей, группировавшихся во Временном комитете IV Государственной думы. В интерпретации Г.З. Иоффе ситуация развивалась следующим образом. 23 февраля «на некоторых предприятиях столицы проводились собрания, посвященные Международному женскому дню. Большевики, эсеры, меньшевики, “межрайонцы” говорили о причинах войны и продовольственных трудностей, призывали к борьбе против царизма – “главного виновника народных бедствий”. Наиболее живой отклик это находило у женщин-работниц, с особой остротой переживающих тяготы войны. Начались митинги и демонстрации...». Однако «именно солдатский бунт стал поворотной вехой в развитии февральских событий». Главными фигурами, склонившими Николая II к отречению, «стали Родзянко, Алексеев и Рузский; главными фигурами, оказавшими давление на Михаила Александровича и убедившими его отказаться от воцарения, были тот же Родзянко, Керенский, возможно, и Г. Львов. Только Гучков и Миллюков отстаивали “монархический принцип” в дни крушения монархии» [2. С. 28–29, 38].

«Заговорщическое» направление в историографии Февральской революции на современном этапе получило подпитку в монографии В.И. Козодоя, посвященной А.И. Гучкову. Якобы он вместе с Н.В. Некрасовым и М.И. Терещенко, опираясь на Рабочую группу Центрального военно-промышленного коми-

тета (ЦВПК), возглавляемого Гучковым, осенью 1916 г. приступили к организации переворота [3. С. 182, 226].

Не претендуя на всестороннее рассмотрение последнего периода правления Николая II, на основе информации, извлеченной из недавно изданных камер-фурьерских журналов за 1916 г. – первые два месяца 1917 г. [4], фиксирующих место его пребывания, занятия, приемы должностных лиц, списки приглашенных на различные мероприятия, постараемся выявить особенности повседневной жизни моего героя в избранных хронологических рамках. Решению поставленной задачи способствует наличие в избранном для анализа источнике пространного комментария и указателя имен (более 330 страниц общим объемом 40 п. л.), включающих биографические сведения и фрагменты из воспоминаний тех, кто встречался с последним российским монархом.

В течение 14 месяцев 1916 – начала 1917 г. (427 суток) император 263 дня прибывал в Ставке в Могилеве. Минимальный срок пребывания с 1 по 6 и с 11 по 17 февраля 1916 г. ограничивался 6 сутками, максимальный с 7 мая по 18 октября 1916 г. составил 157 суток. Кроме того, один раз он длился 25 суток (с 31 октября по 24 ноября), один раз – 15 суток (3–18 марта), один раз – 14 суток (1–14 января), один раз 13 суток (6–18 декабря), два – 12 суток (1–12 апреля, 26 апреля – 7 мая). Последний раз Николай находился в Ставке 5 суток, 23–28 февраля 1917 г. После отречения в Пскове он вернулся в Могилев в 20.20 3 марта и покинул его 8 марта в 16.50 в сопровождении четырех прибывших из Петрограда комиссаров в положении арестованного [4. С. 871].

Еще 131 день царь провел в Царском Селе с выездами по железной дороге в Петроград. Самый продолжительный интервал его пребывания в официальной резиденции пришелся на 19 декабря 1916 – 22 февраля 1917 г. и составил 72 суток, 13 суток он был здесь с 28 по 2 марта 1916 г., по 12 суток – 18 февраля – 2 марта и с 13 по 24 апреля того же года, 9 суток – с 26 ноября по 4 декабря, 8 суток – 19–26 марта, 7 суток – 19–25 октября, 3 суток – 8–10 февраля 1916 г. Характерно, что вояж в Ставку фиксировался в журнале как «отъезд Государя Императора [Его Величества] из Царского Села в Действующую Армию», а из Могилева обратно – как «прибытие Его Величества из Действующей Армии на проживание в Царское Село». Таким образом, поездки на фронт

официально квалифицировались как служебные командировки.

Помимо двух основных пунктов дислокации мой герой в течение рассматриваемого времени совершил 7 железнодорожных поездок общей продолжительностью 23 дня по прифронтовой полосе. Так, 15–16 февраля 1916 г. он побывал в Бобруйске, где осуществил смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии. 29–31 января того же года на станциях Вышки, Дрисса (ныне г. Верхнедвинск Республики Беларусь), Борковичи посетил части Северного и Западного фронтов. 7 февраля на станции Сеславино Виленской губернии император в сопровождении командующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта прибыл в расположение 1-го Сибирского армейского корпуса под командованием генерала М.М. Плешкова, выведенного на отдых и укомплектование. Генерал А.И. Спиридович отмечал в воспоминаниях: «Корпус представился блестяще». Выступая перед личным составом соединения, государь сказал: «Давно хотелось Мне повидать Своих Сибирских Стрелков и только сегодня Мне это удалось. Продолжайте служить такими же доблестными и верными молодцами, как служите сейчас и как служили ваши старшие Товарищи во время Китайской и Японской войны, и помогите мне и остальным частям корпуса окончательно победить и одолеть нашего упорного и коварного врага. Всем вам за Доблестную боевую службу и нынешний смотр Мое спасибо» [4. С. 76, 742]. В период с 27 по 31 марта Николай II по пути из Царского Села в Могилев посетил Каменец-Подольский и Хотин. 11 суток в мае ушло на визиты в Винницу, Бендеры, Одессу, Севастополь, Евпаторию и Курск. Наконец, 27–30 октября он ездил в Киев на свидание с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной.

Еще 13 суток из, казалось бы, плотного графика царствующей особы, возложившей на себя нелегкие функции верховного главнокомандующего, ушли на дорогу из Царского Села в Могилев и обратно. Перезезды осуществлялись разными маршрутами, из которых самый короткий по протяженности составлял примерно 760 верст (Могилев – Орша – Витебск – Невель – Дно – Сольцы – Вырица – Царское Село), а самый длинный – 950 верст (Могилев – Орша – Вязьма – Ржев – Лихославль – Бологое – Тосно – Царское Село). Время пребывания в пути составляло от 19 до 27 часов. Как правило, поездки начинались и заканчивались во второй половине дня и включали ночное время. Таким образом, в течении 14 месяцев (427 суток) император Николай II 263 дня провел в Ставке, 131 – в Царском Селе, 36 – в дороге и посещая прифронтовые населенные пункты (города и станции).

«Препарируя» четырехтомный официоз генерала Д.Н. Дубенского, посвященный пребыванию императора в действующей армии, американский историк Р. Уортман заметил: «Автор также подчеркивает непоколебимое самоотверженное упорство царя. В девять часов утра он направляется в Ставку, где принимает рапорт Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер Ставки. – *М.Ш.*). В половине первого он попоходному обедает с военными атташе союзников. Между часом и двумя он возвращается в кабинет ра-

ботать с донесениями. Позже, в полчетвертого – в четыре, он совершает автомобильную прогулку по окружающей местности. Затем Николай – “Державный Труженик”, – возвращается за стол и вновь берется за донесения, а его ум и сердце страдают всему, что происходит в его стране. После ужина он трудится до глубокой ночи. Сколь бы тревожны не были новости, царь остается спокойным. “Никто не видал Царя не владеющим собой”. Невозмутимость царя, доставляющая столько беспокойств министрам, преподнесена здесь как знак его “силы воли”, “выдержки” и “ясного понимания всей обстановки”. Все эти качества становятся возможными только благодаря вере в Божественное Провидение» [5. С. 698].

Теперь посмотрим на реальный режим жизнедеятельности верховного главнокомандующего в Ставке. Его местопребыванием являлась резиденция губернатора, а сами начальники Могилевской губернии регулярно участвовали в официальных мероприятиях (завтраках и обедах). Сначала им был действительный статский советник (д. с. с.) А.И. Пильц (22 раза), назначенный 14 февраля 1916 г. товарищем министра внутренних дел, а 15 марта иркутским генерал-губернатором. Его сменил д. с. с. Д.Г. Явленский, побивший рекорд посещаемости согласно камер-фурьерскому журналу – 187 раз с 3 марта 1916 г. по 27 февраля 1917 г.

Недалеко от нее размещался штаб Ставки верховного главнокомандующего во главе с генералом от инфантерии М.В. Алексеевым. Судя по записям в журнале, рабочий день императора начинался в 10.30, реже в 10.00 часов посещением штаба без фиксации времени пребывания в нем. В отдельных случаях интервал можно вычислить. Так, 5 января 1916 г. он прибыл в штаб в 10.00, а в 11.00 часов последовал на богослужение; 1 февраля того же года посетил штаб в 9.50, а в губернаторский дом вернулся в 12.50. Можно предположить, что пребывание у М.В. Алексеева продолжалось от одного до двух часов. Очень редко, приблизительно раз в месяц, перед отъездом из Могилева император принимал начальника штаба вечером у себя в резиденции или в вагоне (1 февраля 1916 г. в 18.00 в резиденции, 5 февраля того же года в 17.00, 6 февраля в 21.30 в вагоне, 15 марта в 18.30, 30 апреля в 17.00). За первое полугодие зафиксирован только один случай посещения императором штаба поздним вечером в 21.30 9 апреля 1916 г.

Как правило, после штаба проходил завтрак с приглашением офицеров и генералов Ставки, чинов свиты, прибывших в Могилев членов императорской фамилии, министров, руководителей дипломатических миссий союзных государств (Англия, Франция, Бельгия, Сербия, Италия, Япония). После завтрака часто следовали прогулки на автомобиле (моторе) в холодное время года и на катере по Днепру летом. Четырежды в первом полугодии 1916 г. (11.01, 16.02, 2.05, 14.06) в кинематографе штаба организовывался просмотр фильмов. После этого в интервале с 16.00 до 19.00 принимались министры, генералы и адмиралы, члены императорской фамилии. Обед начинался в 20.00 и продолжался 50 минут [6. С. 220–221], с приглашением находящихся в Ставке высокопоставлен-

ных лиц, а также выздоравливающих офицеров. Дважды в течение года (1 апреля и 17 декабря) здесь проводились заседания Военного совета, один раз 28 июня – Совета министров.

Посещения Царского Села приурочивались к важным правительственным и имеющим непосредственное отношение к личной жизни императорской фамилии событиям и мероприятиям. Так, в ходе пребывания здесь 18 февраля – 2 марта 1916 г. император присутствовал на заупокойных литургиях в Петропавловском соборе в связи с днем рождения Александра III 26 февраля и в память кончины Александра II; приезд 19–26 марта сопровождался приемом с целью вручения верительных грамот назначенного в Петроград греческого посла 24 марта и оставившего свой пост испанского посла 26 марта; во время пребывания 13–24 апреля состоялась торжественная аудиенция вновь назначенному послу США Д. Фрэнсису 22 апреля и на следующий день в Царском Селе прошли литургия и высочайший фамильный завтрак в связи с тезоименитством императрицы Александры Федоровны. Длительное пребывание в Царском Селе с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г. обусловливалось прежде всего убийством Г.Е. Распутина (19 декабря обнаружили в Неве его тело) и проведением в Петрограде в середине января межсоюзнической конференции России, Англии, Франции и Италии.

Камер-фурьерский журнал фиксировал внешнюю сторону событий, не раскрывая их содержания. К тому же, кроме посещений штаба и приема разного рода лиц, император работал с документами, знакомился с отчетами, проектами, обзорами, донесениями и т.д. Но даже внешне отчетливо видно, что интенсивность встреч с министрами в Ставке существенно сокращается, ограничиваясь зачастую министром императорского двора В.Б. Фредериксом (например, 26 апреля, 1, 3, 4 мая 1916 г.). В июне 1916 г. приемными для высших должностных лиц стали 12 дней из 30. По одному разу с царем встречались председатель Государственного совета А.Н. Куломзин (9 июня), председатель Государственной думы М.В. Родзянко (24 июня) и председатель Совета министров Б.В. Штюрмер (27 июня). Из министров в этом месяце больше всех «повезло» главноуправляющему ГУЗиЗа (министру земледелия, по версии журнала) А.Н. Наумову (14, 15, 28 июня). Кроме них высочайшей аудиенции удостоились: министр финансов П.Л. Барк (1 июня), министр путей сообщения А.Ф. Трепов (8 июня), министр народного просвещения, граф П.Н. Игнатьев (13 июня), морской министр, адмирал И.К. Григорович (21 июня), министр торговли и промышленности, князь В.Н. Шаховской (23 июня). После состоявшегося 28 июня в Могилеве заседания Совета министров император в тот же день принял А.Н. Наумова и министра юстиции А.А. Хвостова, а на следующий день военного министра генерала Д.С. Шуваева и министра иностранных дел С.Д. Сазонова.

Находясь в Царском Селе, Николай II встречался гораздо чаще и с большим числом управленцев высшего ранга. Так, в январе 1917 г. приемными для них стали 24 дня. 6 раз удостоивался аудиенции министр иностранных дел Н.Н. Покровский, столько же воен-

ные министры Д.С. Шуваев и М.А. Беляев, 5 раз морской министр И.К. Григорович, 4 раза министр внутренних дел А.Д. Протопопов, 3 раза В.Н. Шаховской, председатель Государственного совета И.Г. Щегловитов, председатель Совета министров, князь Н.Д. Голицын, дважды П.Л. Барк, обер-прокурор Синода Н.П. Раев, один раз Г.Д. Родзянко, министр юстиции Н.А. Добровольский, главноуправляющий ГУЗиЗа А.А. Риттих, статс-секретарь А.С. Танеев. В отдельные дни принимались по три-четыре высокопоставленных чиновника, 11 раз – по два. Кроме того, дважды (1 и 18 января) министры участвовали в общих праздничных приемах.

Таким образом, собранная из источника информация позволяет утверждать о чисто внешнем и ограниченном по времени исполнении Николаем II функций верховного главнокомандующего как в Могилеве, так и в Царском Селе. Во время пребывания в своей официальной резиденции с 19 декабря 1916 г. по 22 февраля 1917 г., т.е. в течение 72 дней, исполняющий обязанности начальника штаба Ставки взамен больного М.В. Алексеева генерал от кавалерии В.И. Гурко был принят императором 7 раз (5, 14, 21, 24 января, 7, 9, 13 февраля). Чисто внешние, представительские, функции исполнял монарх во время важных мероприятий, связанных с ведением военных действий. Например, на представительном совещании высшего командного состава в Ставке 17 декабря 1916 г. для обсуждения общего плана военных действий в кампании 1917 г. Николай председательствовал, но «реально не руководил работой совещания». Номинально он возглавлял созданное 22 августа 1915 г. Особое совещание по обороне, но на практике им руководил военный министр [7. С. 90, 179].

Материалы камер-фурьерского журнала подтверждают тезис о так называемой министерской чехарде в изучаемый период. Как указывалось выше, в течение изучаемого периода (14 месяцев) состоялось два заседания Совета министров. Сменились четыре председателя Совета министров: И.Л. Горемыкин (до 20 января 1916 г.), Б.В. Штюрмер (до 10 ноября 1916 г.), А.Ф. Трепов (до 27 декабря 1916 г.) и князь Н.Д. Голицын. Двое первых даже по современным меркам относились к категории заслуженных пенсионеров (Горемыкину в 1916 г. исполнилось 77 лет, Штюрмеру – 68). Их преемниками стали 54-летний Трепов и 60-летний Голицын. Первый находился на посту руководителя правительства в апреле 1906 – августе 1907 г., второго «извлекли из нафталина» с поста члена Государственного совета (с 1904 г.), третий возглавил правительство, будучи чуть более одного года министром путей сообщения, а до этого сенатором и членом Государственного совета. Последний императорский премьер последовательно работал архангельским, калужским, тверским губернатором, в 1903 г. стал сенатором, а в мае 1915 г. – председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Встречи царя с премьерами проходили достаточно редко. В частности, Штюрмер являлся с докладами 10 раз в Царское Село и 9 раз в Ставку плюс дважды участвовал в официальных мероприятиях и один раз в заседании правительства.

Трепов в качестве министра удостоился аудиенции в общей сложности 22 раза, но как глава правительства за полтора месяца – ни разу. Голицын докладывал только в Царском Селе 15 раз, в том числе 9 раз после назначения главой кабинета.

Примерно в таком же алгоритме осуществлялась взаимодействие монарха с министрами. Их замещение происходило по большей части за счет перемещения из одного кресла в другое. Тот же Штюмер в бытность премьером одновременно с марта по июль 1916 г. возглавлял МВД, а с июля по ноябрь – МИД. В течение всего периода на своих постах находились: министр финансов П.Л. Барк (принят 26 раз); министр морской И.К. Григорович (38 раз); министр торговли и промышленности князь В.Н. Шаховской (15 раз лично). Вместо назначенного в июле 1916 г. членом Государственного совета (избирался в него в 1908, 1912 и 1915 гг.) А.Н. Наумова главноуправляющим ГУЗиЗа выдвигается гофмейстер, тайный советник А.А. Риттих. Военного министра Д.С. Шуваева (71 раз), назначенного членом Государственного совета, в январе 1917 г. сменил генерал от инфантерии М.А. Беляев (13 раз в Царском Селе), бывший помощник военного министра генерала А.А. Поливанова, а с сентября 1916 г. – представитель военного министерства в Румынской главной квартире. Тайный советник Н.Н. Покровский (18 раз, из них 12 – в качестве главы МИД), с 1905 г. – товарищ министра финансов, в 1914–1916 гг. – член Государственного совета, в январе – ноябре 1916 г. – Государственный контролер, 30 ноября того же года назначен министром иностранных дел. Министерство юстиции, после выдвижения его главы И.Г. Щегловитова председателем Государственного совета, сначала возглавил сенатор А.А. Хвостов, затем бывший руководитель МВД (1911–1912 гг.) А.А. Макаров и с 20 декабря 1916 г. – сенатор Н.А. Добровольский (8 раз).

Среди «новичков» на министерской скамейке прежде всего следует назвать назначенного 16 сентября 1916 г. последним царским министром внутренних дел д. с. с. А.Д. Протопопова (23 раза). Потомственный дворянин, крупный помещик, во время революции 1905–1907 гг. он вступил в Союз 17 октября, избирался депутатом III и IV Государственных дум, с 1914 г. – товарищ ее председателя. Вошел в состав оппозиционного «Прогрессивного блока», но затем в сентябре 1916 г., вопреки решению октябристской фракции и блока дал согласие на назначение товарищем министра внутренних дел. «Либерального» министра народного просвещения графа П.Н. Игнатьева (13 раз), умолявшего императора снять с него «непосильное бремя служения против велений совести», 28 декабря 1916 г. сменил попечитель Петроградского учебного округа, сенатор Н.К. Кульчицкий (3 раза). Наконец, отправленного в отставку после настояния императрицы Александры Федоровны с назначением в Государственный совет обер-прокурора Синода д. с. с. А.Н. Волжина (6 раз) 30 августа 1916 г. сменил ставленник Г.Е. Распутина и А.Д. Протопопова руководитель Постоянного комитета по устройству народных чтений, директор совета Общества взаимного кредита деятелей почтового дела Н.П. Раев. По возрасту

23 высших сановника Российской империи распределялись следующим образом (по состоянию на 1916 г.): 4 чел. (А.Н. Куломзин, И.А. Горемыкин, В.Б. Фредерикс, Б.В. Штюмер) 77–78 лет, 5 – 60–63 года, 8 – от 50 до 59 лет, 5 – 40–48 лет и самый молодой – 34-летний А.Н. Хвостов (племянник А.А. Хвостова).

В целом больше половины (14 чел.) высших должностных лиц государства находились по меркам тех лет в работоспособном состоянии. Тем не менее частые перемещения министров, пополнение их корпорации случайными людьми, выдвинутыми не по организаторским качествам, а по принципу личной преданности монарху, его супруге, Г.Е. Распутину, еще больше усугубили «кризис верхов». Ключевая фигура в плане взаимоотношений монарха с внешним миром министр императорского двора престарелый В.Б. Фредерикс (96 встреч) по информации А.А. Мосолова, с 1913 г. «стал страдать кровоизлияниями в мозг: временами он совершенно терял память, что длилось несколько минут, но после этого оставалось, если можно выразиться, умственное недомогание, длившееся иногда несколько часов, иногда несколько дней» [6. С. 160].

«Добавлю несколько слов об окружении государя в ставке во время взятия им верховного командования, – резюмировал он. – Люди, бывшие там в течение долгих месяцев, уверяли меня, что окружение царя производило впечатление тусклости, безволия, апатичности и предрешенной примиренности с возможными катастрофами. Злой рок как будто преследовал все новые назначения. Честные люди уходили, их заменяли эгоисты, ранее всего думавшие о собственном интересе. Ни один из них не мог быть полезным и беспристрастным советником царя. Пропасть, отделявшая государя от страны, все росла. Министры приезжали редко, а приехав, тянули каждый в свою сторону. Единство действий и цели отсутствовало» [Там же. С. 171]. По мнению американского историка Р. Уортмана, в 1916 г. правительство лишилось руководства, «поглощенный своей миссией вдохновить армию, Николай почти потерял интерес к событиям внутри страны. Министры, чьи рапорты Николай принимал в Ставке в Могилеве, были поражены безмятежностью, с которой он слушал их сообщения о критической ситуации в политике» [5. С. 700].

Ситуация обострилась на уровне губернаторского корпуса империи. Если судить по Сибири и Степному генерал-губернаторству, за редчайшим исключением смена региональных начальников тогда осуществлялась по причине их смерти или тяжелой болезни. Уволенный в отставку в мае 1915 г. Степной генерал-губернатор и командующий Омским ВО Е.О. Шмит умер через год в возрасте 72 года; иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева через три недели после отставки в 1916 г. свалил паралич; в возрасте 53 лет умер в 1915 г. енисейский губернатор И.И. Крафт, а якутский губернатор Р.Э. Вите в 1916 г. признается инвалидом и отправляется в отставку. Только применительно к Tobольску в ноябре 1915 г. губернатор А.А. Станкевич перемещается на аналогичную должность в Самаре, а на его место назначается ставленник Г.Е. Распутина д. с. с. Н.А. Ордовский-Танаевский. Представляют интерес и назначенцы взамен ушед-

ших. В Омске таковым стал 66-летний, бывший оренбургский губернатор, генерал-лейтенант Н.А. Сухомлинов. Метаморфоза произошла в Иркутске, куда в середине февраля 1916 г. генерал-губернатором назначили товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого. Но на берегах Ангары он так и не появился, а 15 марта генерал-губернатором стал 46-летний д. с. с. А.И. Пильц, бывший могилевский губернатор, который по отзыву генерала А.И. Спиридовича «сумел понравиться и государю, и свите» [4. С. 754]. 14 февраля 1916 г. он назначается товарищем министра внутренних дел, но за антираспутинскую позицию по требованию императрицы через месяц 15 марта направляется в Иркутск.

Последний сюжет, который будет рассмотрен в данной публикации с использованием камер-фурьерского журнала за 1916 – первые два месяца 1917 г., касается обстоятельств отъезда императора Николая II в Ставку 22 февраля и его попытки вернуться в Царское Село, закончившейся отречением от престола в Пскове 2 марта. Как известно, после отбытия его в служебную командировку в Петрограде начались волнения, переросшие 27 февраля в восстание, в ходе которого создаются Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной думы. Против поездки в Могилев выступали Александра Федоровна и А. Д. Протопопов, мотивируя это болезнью царских детей (корь). Первые сведения о серьезности положения в столице были получены из телеграммы председателя Государственной думы М.В. Родзянко вечером 26 февраля, в которой сообщалось: «Положение серьезное. Правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Частью войска стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца» [4. С. 432]. Согласно воспоминаниям генерала А.И. Спиридовича, тогда же в 21.20 монарх отправил супруге телеграмму с сообщением о выезде в Царское Село послезавтра, т.е. 28 февраля [Там же. С. 856].

27 февраля, согласно записям в журнале, в Ставке события развивались в соответствии с протоколом. В 10.30 Николай II посетил штаб, по окончании завтрака принял дворцового коменданта генерала В.Н. Воейкова, а потом совершил прогулку «на моторах». Накануне обеда в 19.15 он принял генерала М.В. Алексева. К этому времени М.В. Родзянко телеграфировал об ухудшении положения в Петрограде, переходе войск на сторону народа, аресте министров, формировании Временного комитета Государственной думы из 12 человек, «который и приступил к водворению порядка в столице и организации правительственной власти» [Там же. С. 433]. В Ставке принимается решение «для прекращения бунта» направить в Петроград войска во главе с 65-летним генералом Н.И. Ивановым, якобы популярным среди солдат.

По сути дела, столица полностью контролировалась восставшими и, тем не менее, в 5 часов утра 28 февраля императорский поезд отбыл со станции Могилев. По свидетельству того же А.И. Спиридовича, М.В. Алексеев пытался отговорить от поездки Николая, «но его величество очень беспокоился за императрицу и за детей и я [Алексеев] не решился сильно уж настаивать». Тем не менее начальник штаба верховного главнокомандующего в принципе считал возможным тогда организовать наступление на бунтующий Петроград, собрав для этого «порядочный отряд». Но для этого требовалось 5–6 дней [4. С. 858]. В создавшейся ситуации поездка императора была обречена на провал и его арест. К вечеру 28 февраля в столице арестовали командующего военным округом генерала С.С. Хабалова, министр внутренних дел А.Д. Протопопов, на которого возлагалось руководство подавлением бунта, добровольно явился в Таврический дворец и слался новым властям. Тогда же назначенный Временным комитетом Государственной думы комиссаром в МПС инженер А.А. Бубликов распорядился через телеграфную сеть ведомства, не контролируемую МВД, оповестить все железнодорожные станции о переходе власти к Государственной думе. Телеграмма сыграла «важную роль в ускорении революционных событий и переходе власти к Временному правительству. Будучи комиссаром в Министерстве путей сообщения, [он] установил контроль над всей сетью железных дорог в России. 28 февраля Николай II выехал из Ставки в Царское Село, но Бубликов приказал остановить царский поезд, и царь вынужден был повернуть обратно» [8. С. 47].

1 марта в 2.30 ночи императорский поезд со станции Малая Вишера Николаевской ж. д. отправился в Псков, куда прибыл в 19.05. Тем временем решался вопрос о том, кто сформирует новое правительство. Первоначально предполагалось, что его персональный состав предложит Временный комитет, а царь утвердит. В окончательном варианте легитимацию Временное правительство должно было получить от Временного комитета Государственной думы. Естественно, возник вопрос о будущем монархии в России и судьбе самого императора. Под воздействием М.В. Алексева и командующих фронтами, мнение которых начальник штаба верховного главнокомандующего сформулировал следующим образом: «Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии» [9. С. 633], утром 2 марта Николай принял решение об отречении в пользу сына. После консультации с лейбхирургом, профессором С.П. Федоровым, подтвердившим диагноз о неизлечимом характере болезни цесаревича Алексея [4. С. 864–865], царь остановился на варианте передачи престола брату, великому князю Михаилу Александровичу, озвученной в 21.10 в присутствии «представителей Временного правительства военного министра Гучкова и члена Государственной думы Шульгина» [Там же. С. 434]. Как вспоминал воспитатель цесаревич П. Жильяр, примерно через год после отречения «я впервые услышал, что император сожалеет о своем отречении. Он принял это

решение в надежде, что те, кто желает его ухода, смогут довести войну до конца и спасти Россию... Теперь он страдал от мысли, что его уход оказался бесполезным и что, думая лишь о благе своей родины, своим уходом он оказал ей скверную услугу!» [10. С. 354].

Парадоксальность ситуации конца февраля – начала марта 1917 г. заключалась в том, что антивоенные причины и характер Февральской революции, выразившиеся в настроениях и поступках народных и солдатских масс, либеральные, социалистические и промонархические элементы пытались минимизировать. Столь вдумчивый и осведомленный очевидец и участник событий, как Н.Н. Суханов, отмечал, что власть тогда должна была перейти к буржуазии по причине «невозможности создания чисто демократической власти», поскольку «это означало бы немедленную ликвидацию войны со стороны демократической России. Продолжение войны демократической властью я, естественно, считал невозможным, ибо противоречие между участием в империалистической войне и победой демократической революции казалось мне коренным». А цензовые элементы, «если могли вообще принимать идею ликвидации царизма, то они принимали ее по преимуществу как средство успешного завершения войны» [11. С. 51, 53].

В свою очередь, Николай II также отстаивал необходимость продолжения войны до победного конца, несмотря на тяжесть сложившейся ситуации. В приказе по армии от 12 декабря 1916 г., подписанном императором, подчеркивалось, что время для мирных переговоров не наступило, «враг не изгнан из захваченных им областей, достижение России созданных войною задач, обладание Царьградом и проливами, равно как и создание свободной Польши из всех трех ныне разрозненных ею областей – еще не обеспечено... Будем же непоколебимы в уверенности в нашей победе, и Всевышний благословит наши знамена, покроет их вновь неувядаемой славой и дарует нам мир, достойный наших геройских подвигов, славные войска Мои, мир, за который грядущие поколения будут благословлять вашу священную для них память» [9. С. 604].

И в «Акте об отречении Государя Императора Николая II от Престола Государства Российского в поль-

зу Великого Князя Михаила Александровича» тема войны является определяющей. «Судьба России, – говорится в нем, – честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во чтобы то ни стало, до победоносного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть... Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои ими будут установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы» [4. С. 435].

Таким образом, осуществленный мной на основе камер-фурьерского журнала анализ деятельности императора Николая II в 1916 – первые два месяца 1917 г. показывает его несостоятельность как высшего должностного лица и верховного главнокомандующего русской армии, его отрешенность от происходящего, нежелание проводить реформы, осуществлять ротацию управленческих кадров. На 49-м году жизни, имея за плечами 22-летний стаж руководства империей, мой герой исчерпал свой управленческий ресурс. Вместе с этим во время Первой мировой войны окончательно исчерпал традиционный для российской монархической государственности метод управления страной посредством докладов министров монарху. На ситуацию с отречением от престола очень сильно повлиял фактор необходимости продолжения войны, ради которого Николай II отказался от власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарёва И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М., 1982. 320 с.
2. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. 282 с.
3. Козодой В.И. Александр Иванович Гучков и Великая русская революция. Новосибирск, 2015. 256 с.
4. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг.. СПб., 2014. 1088 с.
5. Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. 797с.
6. Масалов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. 262 с.
7. Россия в стратегии Первой мировой войны. СПб., 2014. Кн. 1. 316 с.
8. Сахаров Н.А. Бубликов Александр Александрович // Политические деятели России 1917. Биографический словарь. М., 1993.
9. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1992. 640 с.
10. Каррер д' Анкосс Э. Николай II: Расстрелянная преемственность. М., 2006. 446 с.
11. Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1, кн. 1–2. 383 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 декабря 2016 г.

CHAMBER-FOURIER JOURNAL DATA ON EMPEROR NICHOLAS II AS COMMANDER-IN-CHIEF (JANUARY, 1916 – FEBRUARY, 1917)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 151–157.

DOI: 10.17223/15617793/415/21

Mikhail V. Shilovsky, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istorik.novosib@gmail.com

Keywords: Nicholas II; Emperor; Commander-in-Chief; General Headquarters; Chamber-Furrier Journal; First World War; ministers.

The author uses Chamber-Fourier Journals for 1916 – early 1917 as main historical sources for analyzing activities of Nicholas II in the position of Commander-in-Chief as these journals recorded his places of stay, daily round, audiences to the officials, lists of persons invited to various official events. Information extracted from these sources allows identifying specifics of the Czar's daily life. It is established that during the period of 14 months in 1916 – early 1917 (427 days) the Emperor spent 263 days at the General Headquarters (Stavka) in Mogilev. His visits to the front were officially designated as tours of duty. He spent another 131 days in Tsarskoye Selo with visits to Petrograd. Besides two main locations the Czar made 7 trips, for a total of 23 days, along the immediate battle area. Getting from Tsarskoye Selo to Mogilev and back took yet another 13 days from the apparently busy schedule of the Emperor. The Commander-in-Chief used to start work at 10:30 a.m., less frequently at 10:00 a.m., going to the staff headquarters and listening to the reports of the Stavka's Chief of Staff, General M.V. Alekseev. As a rule, this was followed by breakfasts to which the Emperor invited officers and generals from headquarters, members of his entourage, and those members of the Imperial family who had come to Mogilev, ministers, heads of the military missions from the allied powers. After that he used to ride a car ("motor") during the cold season and went on boat trips along the Dnieper River during summer. After that from 4:00 to 7:00 p.m. he used to give audiences to the ministers, the military, members of the Imperial family etc. His dinner usually started at 8:00 p.m. and lasted for 50 minutes. The data acquired from these sources allows concluding that Nicholas II performed his functions as Commander-in-Chief only formally and for a limited period of time. He performed only representational functions while participating in important events related to the conduct of warfare. Materials from the Chamber-Fourier Journals support the finding that the so-called "ministerial leapfrog" took place. In most cases the substitution of ministers took the form of transferring them to other key positions in the government. Thus, the activities of Nicholas II in 1916 – early 1917 demonstrate his inability to be the supreme ruler and Commander-in-Chief of the Russian Army, his detachment from reality. At the age of 48, having ruled the Empire for 22 years, he exhausted his resources as a ruler. The necessity to continue the war highly affected the situation with his abdication: it was for this purpose that he resigned.

REFERENCES

1. Pushkareva, I.M. (1982) *Fevral'skaya burzhuzno-demokraticeskaya revolyutsiya 1917 g. v Rossii* [The February bourgeois-democratic revolution of 1917 in Russia]. Moscow: Nauka.
2. Ioffe, G.Z. (1995) *Semnadtsatyy god: Lenin, Kerenskiy, Kornilov* [1917: Lenin, Kerensky, Kornilov]. Moscow: Nauka.
3. Kozodoy, V.I. (2015) *Aleksandr Ivanovich Guchkov i Velikaya russkaya revolyutsiya* [Alexander Guchkov and the Great Russian Revolution]. Novosibirsk: Siberian Academy of Management and Mass Communications (Institute).
4. Gal'perina, B.D. & Milovidov, B.P. (2014) *Kamer-fur'erskie zhurnaly. 1916–1917 gg.* [Chamber-Fourier Journals. 1916–1917]. St. Petersburg: D.A.R.K.
5. Wortman, R. (2004) *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scripts of power: Myths and ceremony of the Russian monarchy]. Vol. 2. Moscow: OGI.
6. Masalov, A.A. (1992) *Pri dvore poslednego imperatora. Zapiski nachal'nika kantselyarii ministra dvora* [At the court of the last emperor. Notes of the Chief of the Office of the Minister of the Court]. St. Petersburg: Nauka.
7. Novikova, I. (2014) *Rossiya v strategii Pervoy mirovoy voyny* [Russia in the First World War strategy]. Vol. 1. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy.
8. Sakharov, N.A. (1993) Bublikov Aleksandr Aleksandrovich. In: Volobuev, P.V. (ed.) *Politicheskie deyateli Rossii 1917. Biograficheskiy slovar'* [Politicians of Russia in 1917. Biographical Dictionary]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya.
9. Ol'denburg, S.S. (1992) *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [The reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Feniks.
10. Carrère d'Encausse, E. (2006) *Nikolay II: Rasstrelyannaya preemstvennost'* [Nicholas II: A shot continuity]. Translated from French. Moscow: OLMA Media Grupp; OLMA-PRESS Obrazovanie.
11. Sukhanov, N.N. (1991) *Zapiski o revolyutsii* [Notes on the revolution]. Vol. 1. Books 1–2. Moscow: Politizdat.

Received: 20 December 2016